

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗЫМСКОЙ КУЛЬТБАЗЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ КАЗЫМСКИХ ХАНТОВ

REFLECTION OF THE HISTORY OF KAZYM CULTURAL CENTER IN ORAL POETIC FOLKLORE OF THE KAZYM KHANTY PEOPLE

O. Ernykhova

Annotation

On the basis of the oral poetic folklore of the Khanty people the article describes the work of the Kazym cultural center, which in the 1930–s was intended to implement into the life of Northern people the Soviet education and healthcare. The study shows that the oral poetic folklore of the Khanty people in the form of agitation songs was one of the mechanisms of regime for implantation "the socialist way of life" and cultural transformation of a small northern nation.

Keywords: Kazym Khanty, Khanty folklore.

Ерньхова Ольга Даниловна

*Нач. фольклорного центра,
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок*

Аннотация

На основе устного народного поэтического творчества народа ханты в статье рассматривается работа Казымской культбазы, которая в 1930–е гг. была призвана внедрить в жизнь и быт северного народа советское образование и здравоохранение. Исследование показывает, что и поэтическое устное народное творчество хантов в форме агитационных песен явилось одним из механизмов власти по насаждению "социалистического образа жизни", культурному преобразованию маленького северного народа.

Ключевые слова:

Культбаза, казымские ханты, хантыйский фольклор

Деятельность Казымской культбазы по документам российских архивов анализировалась автором статьи в научных статьях и монографиях, а также производился анализ работы культбазы другими исследователями [1,2,3]. Работа данного учреждения была рассмотрена в контексте Казымского восстания 1933–1934 гг, поскольку именно строительство и деятельность "социалистического городка для коренного населения Приказымыя" явились причиной открытого протivостояния коренного населения советской власти.

Работа культбазы по устным рассказам жителей рассматривалась в монографии эстонского исследователя Арта Лезте "Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти"[3]. Однако деятельность Казымской культбазы никогда не рассматривалась в контексте поэтического творчества казымских хантов – населения во благо, которого организовывалось и строилось данное учреждение. В качестве источников в статье привлечены неопубликованные документы по истории Казымской культбазы и опубликованные тексты советских песен на хантыйском языке.

В Государственном архиве г. Тобольска был найден один из первых отчетов Казымской культбазы, составленный Филиппом Яковлевичем Бабкиным – первым начальником культбазы. Это письменное сообщение от 10 февраля 1932 года, адресованное Комитету Севера при

ВЦИК, является самым первым документом, в котором анализируется деятельность культбазы с 1930 года. Данный отчет еще не был введен в научный оборот по истории Казымской культбазы, и по этой причине он является единственным документальным источником в данной статье. Надо сказать, что он никоим образом не меняет представления о деятельности культбазы в период нарастания мятежных событий, но очень хорошо дополняет предысторию конфликта между работниками культбазы и коренным населением [5].

Постановление о создании культбаз с продовольственно-кооперативными, врачебно-ветеринарными, культурно-просветительными и научно-исследовательскими функциями было принято Комитетом Севера при ВЦИК в мае 1925 года. Культбазы рассматривались как будущие центры, организующие социальную жизнь коренных жителей Севера.

В начале 1930–х годов на территории Тобольского Севера началось строительство двух культбаз: Казымской в 1930–м году и Сосьвинской в 1933 году. Кроме этого, властями велась переписка о строительстве Ларьякской культбазы на реке Вах. Однако, несмотря на необходимость и своевременность строительства культбазы на данной реке, эта идея Комитетом Севера при ВЦИК была отложена на неопределенный срок, а затем так и не была осуществлена [1, л. 61].

В мае 1926 года была устроена экспедиция общества изучения края при Госмузее Тобсевера, руководителем которой был Василий Михайлович Новицкий – исследователь культуры северных народов. Место для культбазы было выбрано в 17 километрах от устья реки Казым на левом берегу реки Амни близ Амнинских юрт. Казымская культбаза должна была объединить население свыше 1000 человек казымских хантов, ненцев и коми-зырян. Начальниками Казымской культбазы были назначены Бабкин Филипп Яковлевич и Астраханцев Петр Васильевич. Их кандидатуры были согласованы в Тобольском Комитете Севера (окружном), и в Свердловском Комитете Севера (областном).

Как отмечает в своем отчете Комитету Севера при ВЦИК начальник культбазы Бабкин Ф. Я., весь период строительства можно разделить на 2 отрезка: с весны 1930 года строительными работами по постройке культбазы руководил инженер Пенин, а с 25 декабря 1930 года строительство культбазы было возложено на Ф. Я. Бабкина. По его словам "в строительстве культбазы участвовало 103 человека: переселенцев 38, административных ссыльных (террористов-рецидивистов, кулаков и уголовников) – 28, остяков – 24, зырян – 7 и русских – 6 человек". Филипп Яковлевич считал, что такой контингент строителей "по своим моральным качествам и политическим взглядам был не только неудовлетворительным, но подчас и опасным"[5, л.40].

К лету 1931 года были построены следующие здания: больница, дом туземца, баня-прачечная, школа, интернат, контора, кухня, ветеринарный пункт с баклабораторией, овощехранилище, ледник, 2 жилых дома для служащих культбазы. Бабкин Ф. Я. с удовлетворением констатировал, что "работы по созданию нового аванпоста сов[етской] культуры в глухом углу Тобольского Севера среди отсталой северной народности остяков Приказырья" были закончены.

Говоря о деятельности казымских хантов в строительстве культбазы, Бабкин отмечает, что они, научившись у "довольно развитых русских рабочих", значительно повысили свои навыки в обработке дерева при строительстве.[5, л. 39 об.] Очевидно, совместный труд, общение, агитация работников культбазы явились неким толчком для принятия непростого решения некоторых рабочих из числа коренного населения на обучения детей в школе-интернате.

Осенью 1931 года было принято решение о совершении культпохода "За грамоту казымского остяка", который бы помог укомплектовать школу-интернат детьми из хантыйских селений. О незаконных методах проведения этой акции Бабкин Ф. Я. в своем отчете Комитету Севера умалчивает, однако достаточно подробно описывает трудности, с которыми пришлось столкнуться. По его

словам, выход бригад совпал с осенней распутицей. По реке двигалась шуга, и переправа на хантыйских лодках через речки грозила большой опасностью. Но все эти трудности были ничто по сравнению с тем сопротивлением, которым пришлось столкнуться. В своем отчете Бабкин пишет, что "обыкновенно радушные и гостеприимные туземцы были сумрачны, скупы на слова, а иногда и просто враждебны... Никакие уговоры и убеждения не действовали и даже те туземцы, которые раньше дали свою подписку об отдаче детей в школу, теперь от нее отказались. Только указание на законно всеобщее обязательное обучение и ответственность за нарушение его подействовали, и туземцы дали обещание прислать своих детей" [5, л. 41].

К первому ноября 1930 года в школу-интернат родителями было привезено 44 школьника: 23 мальчика и 21 девочка. Возрастной состав был представлен так: 8 лет – 2 чел., 9 лет – 4 чел., 10 лет – 11 чел., 12 лет – 6 чел., 13 лет – 1 чел., 14 лет – 8 чел., 15 лет – 7 чел., 16 лет – 4 чел. По социальному положению: 32 чел. бедняков и 12 чел. из середняков. Из Амнинского юртового объединения было привезено самое большое количество 22 чел, Из Выргима – 6, из Хуллорпа – 7, из Ильбигорта – 5 и из Юильского городка 4 человека.

Также Бабкин отмечает, что коренное население выставляло ряд условий работникам школы-интерната в отношении воспитанников: "не стричь волос, не одевать по-русски и никуда за пределы базы не выводить". При приеме первой партии школьников в школу-интернат, дети подняли оглушительный рев, который не утихал весь день и прекратился только лишь к вечеру. Все проживающие на территории культбазы женщины активно включились в изготовление белья для школьников, ими было за 3 недели сшито 150 комплектов белья. С 11 ноября школа-интернат начала свою работу по обучению школьников[5, л.41 об.].

Затем Филипп Яковлевич в отчете вскользь упоминает о деятельности таких учреждений как больница, дом туземца, радиостанция, ветеринарный и краеведческий пункты. Хотя в данном документе Бабкин не подвергает анализу социальную жизнь казымцев, но достаточно полно анализирует итоги хозяйственной деятельности при строительстве культбазы и ставит новые задачи. И одной из наиважнейших задач была "борьба за формирование нового человека – носителя коммунистического идеала". И чтобы выполнить эту задачу, работники культбазы вели неустанную пропаганду о новых ценностях социалистической жизни. Была развернута деятельность по вовлечению женщин-ханты в "социалистическое строительство", в школе-интернате и доме народов Севера школьниками ставились спектакли о новой, счастливой жизни северян, устраивались концерты, посвященные советским праздникам.

Рассмотрим песню, посвященную Казымской культбазе - Касум ары [5. С.5.].

Кўлийэн сувги суваң арийэн	Легкую, мелодичную песню
Хулга тухилэтэвийэ.	Кому же я посвящу
Амьа база йам хэрэва	[Культ]базе на [реке] Амня
Щив ши тухилэтэвийэ.	Ей и посвящу
Амьа база йам хэрэвны	На [культ]базе, которая расположена на [реке] Амня
Алыңа хөһөл пелкэв эвэлт	С утренней зари
Йэтна хөһөл пелкэв вонта	До вечерней зари
Хорыйэн кўры сымрэн йам сый	Звонкий стук копыт [олений]
Л ўв ант хөрлөтэлийэ.	Не смолкает.
Йэти хөһөл пелкэв эвэлт	От вечерней зари
Алыңа хөһөл пелкэв вонга	До утренней зари
Тўт машина нуви йам хот	Новый, хороший дом, снабженный электричеством
Мўң ин омсылэтэвийэ.	Нам строят (букв. ставят)
Ленин лупэм йам йасэн	Хорошие слова, сказанные Лениным
Парпийа лупэм йам йасэн	Хорошие слова, сказанные партией [ВКП(б)]
Шекэн сухэл ар мирэв	Все угнетенные народы
Нумэса пунылэтэвийэ.	Держат в уме
Катра хон вөлэм пурайны	В царские времена
Йемлэң веншэп ар имэв,	Множество женщин, закрывающих свои лица
Йемлэң веншэп ар эвэв	Множество девушек, закрывающих свои лица
Йемэлман шөшилэмэл.	Обряд избегания бытовал (букв.: ходил)
Там советской йам лащны	Во времена хорошей советской власти
Йсмэлгы вэрэг пух вульгтмэл.	Обряд избегания не соблюдается (букв.: забыт)
Айэв-вөнэвны хул вөнөлтийөллөв,	И млад, и стар все учатся
Нсцэв-хойэвны хул колхозны.	Все женщины и мужчины - колхозники
Ар вой вэлты йам йохтэв	Наших работающих, хороших охотников
Ударника немэтсайэт,	Ударниками называют
Ар хўл вэлты йам йохтэв	Наших работающих, хороших рыбаков
Стахановтсайа немэтсайэт.	Стахановцами называют
Увэс мўви пелкэв эвэлт	С северной стороны
Пумшійэн мўви кимлэв вонта	До южной стороны
Рўщэв- хангэвны хул йив цухэт,	Все русские и ханты - братья
Вухаль-сэранэвны хул рөтнайэт.	Все манси и коми-зыряне - родня.

В целях пропаганды нового образа жизни по заказу властей писались песни, в которых подчеркивалось явное преимущество советского строя. В одном из сборников хантыйских и мансийских песен из 19 представ-

ленных песен только 6 можно отнести к традиционным формам песенного искусства, остальные 13 относятся к так называемым лиро-эпическим новообразованиям (ЛЭН).

В песне воспеваются новые ценности хантыйского народа, которые активно внедрялись властями после строительства Казымской культбазы. Образование нового советского поселка со школами, больницами, магазинами преподносится как благо, способное удовлетворять повседневные жизненные потребности северного человека. Под благом подразумевается постройка хороших домов, снабженных электричеством, отчасти искоренение традиционных обрядов местного населения. Песня была опубликована в 1959 году, но, возможно, временем создания песни можно считать вторую половину 1930-х гг. XX столетия, поскольку в тексте упоминается слово "стахановцы". Так называли работников социалистической эпохи, которые в социалистическом соревновании добиваются наиболее высшей производительности труда. Термин получил название от Алексея Стаханова, забойщика шахты в Донбассе, он начал борьбу за высокие показатели социалистического труда. Стахановцами называли лучших охотников, рыбаков, добывающих высокие показатели в труде и выполняющих план по вылову рыбы и добыче пушнины. Известны имена многих стахановцев и ударников, которые чествовались во время слетов на Казымской культбазе, таких как охотница З. Пендахова, Н.П. Волдин и др.

Слова песни "С утренней зари до вечерней зари звонкий топот копыт не смолкает" свидетельствуют, что культбазу посещало большое количество коренного населения, передвигавшееся на оленьих упряжках. Имела место миграция? перемещение населения с целью временного пребывания на культбазе. Оленьи упряжки то выезжали на места проживания казымских хантов, то вновь выезжали на территорию поселка. Население приезжало в культбазу для того, чтобы посетить детей в школе, отовариться в лавке (магазине), обратиться в больницу и т.д. С открытием школы и других учреждений Казымская культбаза стала административным, экономическим и социальным центром Казымской территории.

Обращают на себя внимание слова об искоренении обряда избегания из жизни казымских хантов. Тот факт, что обычай избегания еще в середине 1930 гг. уходит из повседневной жизни хантов может говорить множество фотографий, на которых запечатлены женщины и девушки работниками культбазы, например А.Н. Лоскутовым [3]. Чаще фотографии удавалось сделать во время советских праздников на культбазе, таких как празднование Международного дня солидарности трудящихся (Первое мая), празднование очередной годовщины Октябрьской революции (Седьмое ноября) или во время спортивных состязаний коренных жителей. И как показывают фотографии тех лет, женщины как молодого, так и пожилого возраста, не соблюдают обычаев избегания: лица у всех открыты, хоть и головы женщин прикрывают платки. В этом отношении особо информативна фотогра-

фия Аркадия Николаевича Лоскутова, на которой запечатлена одна из первых родильниц больницы Казымской культбазы. Фотография датирована 1936 годом, на ней снимок женщины-ханты и младенца на кровати, на голове женщины и вовсе нет платка[3]. На основании фотографий можно сделать относительный вывод, что обряд избегания уходит в прошлое еще с середины 1930-х годов, это может говорить о стремительной трансформации общественного сознания казымских хантов еще с начала деятельности Казымской культбазы.

Также конец песни о Казымской культбазе повествует нам о распространенности советского мифа о дружбе между народами: "все русские и ханты – братья, все манси и коми – родня". Система взаимоотношений народов Российской империи заменяется властями на характерный для советского времени сценарий "нерушимой дружбы народов". Однако, как показало время, так и не были сформированы приемлемые с этической точки зрения модели межэтнических отношений. Миграция русского населения в связи со строительством культбазы, как впрочем, и самовольная миграция коми-зырян на Казымскую территорию в 20-е годы XX воспринимались казымскими хантами как захват территории, и мирное сосуществование было несколько затруднительно. Выскомерное отношение пришлых к коренному населению мешало выстраивать конструктивный диалог между ними, это способствовало росту отчуждения и непонимания между русскими, коми-зырянами и хантами. Эти строчки песни могли выражать желания и устремления населения, нежели действительность.

Текст был написан позже песни про культбазу, в середине 1950-х гг. поскольку в ней упоминается орден материнства. Известно, что орден материнства, как и медаль материнства, были учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 года. Звание "Мать-героиня" присваивалось с одновременным награждением ордена многодетным матерям, родившим и воспитавшим 10 и более детей.

Хоть и в песне указывается автор песни А. Обатин, однако песня исполняется от имени многодетной матери, которая с удовлетворением отмечает перемены, произошедшие после октябрьского переворота. Возможно, героиня песни проживает именно на территории культбазы, поскольку именно здесь были разработаны большие площади под огороды, и ханты совместно с работниками культбазы стали выращивать такие овощи, как картофель, морковь, капуста. На культбазе краеведческим пунктом проводились опыты по выращиванию различных сортов овощей и ягод и эти эксперименты по выращиванию у автора данной песни вызывают свои ассоциации с селекционером, биологом и ученым Иваном Владимировичем Мичуриным. Надо сказать, что со временем, уже во второй половине 20 века разработанные большие огороды

Рассмотрим песню "Овас мув ариет" [5, С. 17], написанную Обатиным Алексеем Максимовичем - учителем начальных классов Казымской школы.

Катра йисэн увэс мўвэн	В старое время на северной земле
Ненэк хайшгы айт хошсэв,	Мы не умели на бумаге писать
Ин тэм муң касэга эвэлт	В настоящее время мы из газеты
Иса вэрэт луцэтлэв.	Обо всех делах читаем
Катра вэсэм мис айт тайсэм,	В старое время у меня не было коровы
Ташәң хөйа рөпәтсэм,	Работала на богатого мужика
Ин тэм ма колхозэм пйта	Сейчас я для колхоза
Мисәң ташәт єнмәлтәләм.	Выращиваю стадо коров
Катра лупса: «Увэс мувэн	В старое время говорили: "На северной земле
Немалты айт єнәмтал».	Ничего не растет"
Ин Мичурин вєрты ширән	Сейчас по примеру [селекционера] Мичурина
Иса лєтәт єнәмтал.	Разные [растительные] продукты растут
Ар хўд вєлсэв, ар вої вєлсэв,	Много рыбы добыто, много зверя добыто
Иса плантэв тәрэмсәт,	Все планы выполнены (букв: наполнены)
Төһәл кинца колхоз йөхлэв	По сравнению с прежним все колхозники
Па көсәңа вөлты шитсәт.	Обеспеченно жить стали
Ма нуша нє катра вэсэм,	Я была бедной женщиной в старину
Йәртйаң ыаврєм єнмәлтсәм.	Девять детей вырастила
Ин страна манєма ыотәд,	Сейчас мне страна помогает
Па орпәнән масыйәм	Вручили мне орден [материнство]

на культбазе были заброшены, и не использовались, очевидно, по причине трудоемкости, бедности почвы и скудных урожаев, не смотря на титанические усилия по рыхлению, прополке и поливу.

Анализируя представленные песни о культбазе можно констатировать, что эти две песни объединяет один из приемов стилистики, используемых в агитационных произведениях. Противопоставляются две противоположные эпохи: царское время и советский период. Резко оттеня контрастные черты того и другого времени, противопоставление обладает яркостью и своей убедительностью, как впрочем и все произведения пропаганды.

Тексты песен о Казымской культбазе, как нетрудно заметить, насыщены газетными штампами того времени: "угнетенные народы", "советская власть", "ударники", "стахановцы" и т.д. Эти слова были очень широко распространены в печати советского периода. Штамп представляет собой изначально образное, в силу своего частого употребления утратившее свою экспрессию выражение.

Надо сказать, что в фондах фольклорного центра Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск) нет записей на хантыйском языке, отражающих иную точку зрения на строительство и деятельность Казымской культбазы.

В условиях тотального политического контроля трудно говорить о возникновении иных песенных текстов, которые могли бы отражать другой подход, иное толкование деятельности "социалистического городка".

Таким образом, можно утверждать, что данные тексты на хантыйском языке могли возникнуть как агитационный материал в деле навязывания советского образа жизни. Они могли писаться сказителями по заказу властей. Советский режим активнейшим образом формировал, воспитывал "нового человека", всецело разделяющим ценности советской власти, и инакомыслию здесь не могло быть места, поскольку оно преследовалось. В этот период не писались и не исполнялись песни на хантыйском языке о противоположной точке зрения, например, о критике в адрес властей.

После подавления Казымского восстания, начавшийся с введением самоуправления в 20-е гг XX столетия равноправный диалог с властью был прерван, и северный народ потерял право защиты своих исконных интересов. Интересным является факт, что только с началом пере-

стройки советского государства (1985) в устном народном творчестве казымских хантов начали появляться фольклорные произведения, так или иначе критиковавшие власти и реально отражавшие ситуацию в "лихие 1990-е гг" на территории "бывшей" культбазы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерныхова О.Д. Казымская культурная база как социальный эксперимент советского государства/ Вестник Тюменского государственного университета. 2010, № 1. С. 101–108.
2. Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Ханты–Мансийск, 2010 (2-е изд, доп). 2010. 212 с.
3. Арт Лезте. Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти, Тарту, 2004, 286 С.
4. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 606 с.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.695, Оп. 1, Д. 221.Л.38–43.
6. Сборник хантыйских и мансийских песен и танцев. Сост. В. Муров. В помощь коллективам художественной самодеятельности. Лит. обработка текстов Л. Савин, Р. Тарлин, И. Меров. Музыкальная обработка – А. Горбатов, Ханты–Мансийск. 1959. 73 с.

©О.Д. Ерныхова, (urnhor@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

MINGEOFORUM.RU

**МИН
ГЕО
СИБИРЬ**

23-24 мая 2018
КРАСНОЯРСК • МДВЦ • «СИБИРЬ»

МОСКВА
КРАСНОЯРСК

**XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ГОРНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ**

Форум, Конференции, Семинары, Круглые столы,
Мастер-классы, Выставка МИНГЕО ЭКСПО 2018,
Инвестиционная ярмарка горных проектов

Приглашаем принять участие в работе Форума МИНГЕО СИБИРЬ 2018

РЕКЛАМА